

Эта великая снежная буря принесла с собой куда больше бед, чем предполагалось изначально. Но кто-то проболтался о том, что император собирается отправиться в инкогнито в народ, и это заставило низших чиновников куда усерднее взяться за реальные дела.

Сун Ян и Цяо Инь вместе с Гуйчжи и Гуйчунем направились на юг. Поскольку мест, требующих проверки, было немало, путники спешили и не задерживались подолгу ни в одном из селений.

Снег не прекращался весь последний месяц, и Цяо Инь предлагал решения для борьбы со стихией в каждом регионе, приказывая местным чиновникам неукоснительно исполнять их. Эффект оказался поразительным: проблемы с потерями урожая, погребенного под толщей снега, в основном удалось решить.

За время этой поездки все они сильно измотался. Сегодняшняя остановка была последней — в Янчжоу.

Не зря в народе говорят: «В марте под дымкой цветов отправляйся в Янчжоу». Хотя сейчас стоял вовсе не прекрасный март, ехать в Янчжоу в такую пору было в самый раз.

Поскольку это был конечный пункт их маршрута, путники решили задержаться здесь на некоторое время: во-первых, чтобы перевести дух, а во-вторых, чтобы погулять несколько дней и немного развеяться.

Обстоятельства неизменны, но люди способны меняться.

За это время Сун Ян многому научился у Цяо Иня. Тот действительно думал о простом народе и, пожалуй, подходил на роль императора куда лучше него самого. На самом деле Сун Ян уже давно успокоился: раз уж финал этого мира предписывает ему взойти на престол, возможно, он сможет справиться с этим еще лучше.

Делать реальные дела для простых людей и заслужить их любовь — он ведь никогда не совершал ничего великого или достойного воспевания. Все вокруг предоставляли ему шанс, шанс оставить свое имя в веках, да к тому же рядом помогал Цяо Инь. Больше ему не стоило предаваться жалости к себе.

Янчжоу, будучи важным транспортным узлом, славился своей развитой экономикой и торговлей. Город развивался довольно быстро, нравы здесь царили простые и честные, и в целом это было крайне процветающее и богатое место.

Бедствия, вызванные нынешним снегопадом, Янчжоу не затронули, и их целью здесь, помимо отдыха и прогулок, было кое-что поважнее — выследить след того человека, о котором говорил Цяо Инь.

Постоялый двор, где они остановились, был вполне комфортным. Но, возможно, из-за того, что нервы, долгое время находившиеся на пределе, внезапно расслабились, ночью Сун Ян погрузился в какое-то полубытие. Ему казалось, что он проваливается в один причудливый и сюрреалистичный сон за другим, и вырваться из этого кошмара не было никакой возможности.

Это заставило его вновь почувствовать себя так же, как в те дни, когда он только-только попал в этот мир: череда снов словно напоминала, что все пережитые события происходили именно с ним.

В самом конце сновидения предстало его раннее детство.

Добрый и любящий император-отец, нежная и меланхоличная матушка-наложница.

В те времена император шел на любые ухищрения, лишь бы угодить матушке. Стоило ему завершить утренние доклады, как он спешил к ней разделить трапезу. День рождения матушки праздновался с невероятным размахом, ее слава затеняла даже императрицу, вызывая недовольство родственников императорского дома по материнской линии, но император не обращал на это внимания.

Клан Хуа тоже, опираясь на то, что Хуа Мулин пользовалась особым расположением правителя, находился на пике своего могущества при дворе и яростно расширял собственное влияние.

До того как попасть во дворец, Хуа Мулин была дочерью наложницы главы клана Хуа. Эта наложница происходила из семьи ученых мужей, много читала, была красива и добродетельна. Глава клана не уделял ей особого внимания, но к своей единственной дочери Хуа Мулин она относилась с невероятной заботой: позволяла ей читать множество книг и внушала, что девочки могут совершать великие подвиги и приносить пользу людям наравне с мальчиками.

С самого детства Хуа Мулин мечтала сдать императорские экзамены, но судьба распорядилась иначе, и суровая реальность оказалась жестока. Обладая выдающейся красотой, она была преподнесена кланом Хуа императору словно сокровище, из-за чего все ее высокие устремления пошли прахом.

Изначально она думала, что раз уж ей не суждено получить ученую степень и добиться славы, то она сможет хотя бы попутешествовать по землям Цзяннани, отыскивая единомышленников и заводя с ними дружбу. Меньше всего ей хотелось оказаться взаперти на крошечном клочке земли в ожидании милостей, чьего прихода не угадать.

Оказавшись во дворце, она постоянно предавалась тоске, и лишь с рождением Сун Яна на ее лице вновь стали появляться улыбки. Поэтому, стремясь угодить ей, император осыпал Сун Яна всевозможными милостями.

Однако небеса редко идут навстречу людским желаниям: Хуа Мулин стала жертвой жестокого

покушения, а император слег с тяжелой болезнью. Ребенок, прежде купавшийся в океане любви и заботы, внезапно остался совершенно один и без поддержки. Он видел, как благосклонно улыбавшиеся ему прежде наложницы, братья и сестры, осыпавшие его лаской, и даже заискивавшие перед ним евнухи со служанками начали сторониться его и игнорировать. В худших случаях они отмахивались от него и прогоняли с отвращением, словно назойливых мух.

И все же одно обстоятельство он, казалось, упускал из виду всегда.

Будь то время, когда он провожал Хуа Цзысянь, или когда Дэн Минлан прощался с ним перед отправкой на военную службу на Северо-Запад, или даже тогда, когда он встретил Ци Сичжао, предаваясь праздности — всегда существовал тот самый человек, который неотступно стоял за его спиной и наблюдал за ним.

Братья и сестры могли отвернуться от него, Хуа Цзысянь не мог вечно следовать по пятам, у Дэн Минлана были свои сослуживцы и семья, а Ци Сичжао преследовал собственную любовь. Лишь Цяо Инь — его взгляд неотступно следовал за Сун Яном, никогда не покидая его.

Казалось, пройдя через тысячи испытаний, лишь они двое по-прежнему стояли на прежних местах, глядя друг на друга. Пусть перед ними лежали тысячи непреодолимых для обычных людей пропастей, они все равно непоколебимо шли вперед, пока их руки не сплелись в крепком объятии.

Они были незаменимы друг для друга, и их союз предначертан самой судьбой.

Колесо судьбы кружилось и делало витки, стрелка часов неумолимо двигалась вперед, а суетливый людской мир в конце концов все же связал этих двоих воедино — неизменно и на века.

Внезапно откуда-то сверху повеял ветер. Он сидел на земле и плакал, когда перед ним появилась матушка. Она подняла его и с нежностью погладила по голове: — Мой ребенок, ты столько выстрадал.

Произнеся это, она заплакала. Ее заплаканное лицо было столь трогательным, что вызывало невольное сострадание. На самом деле в его памяти образ матушки давно стерлся и расплылся, но стоявшая перед ним женщина обладала несравненной красотой и мягким нравом, и он безошибочно понял: это его матушка, Хуа Мулин.

Хуа Мулин еще долго о чем-то хлопотала и говорила, но Сун Ян вовсе не чувствовал раздражения. Ее наказания и шепот казались воспоминаниями из прошлой жизни, оставшимися десяток лет назад. Он так сильно тосковал по ней и хотел, чтобы матушка побудила с ним еще немного.

Однако Хуа Мулин лишь смахнула слезинку с уголков глаз, легко коснулась губами его лба,

поднялась на ноги и сказала все еще маленькому мальчику: — Иди, Сун Ян. Что бы ни случилось, слушай свое сердце. Матушка хочет, чтобы ты всегда был здоров и счастлив.

С этими словами она отступила назад, пока позади нее не возник другой силуэт в ярко-желтых одеждах. Тот человек ласково взял ее за руку и прижал к груди, но его лицо было скрыто пепельной дымкой, разглядеть которую не представлялось возможным.

Должно быть, это был его отец-император.

Сун Ян не бросился за ними. Он просто стоял на месте, провожая взглядом удаляющиеся фигуры отца и матушки, ощущая, как его собственное тело становится всё больше, пока до него не донесся чей-то тревожный зов. Он плакал и одновременно смеялся.

Да, он никогда не был одинок.

Пусть изначально все начиналось с расчетов и использования, тем, кто прошел с ним до самого конца, всегда был Цяо Инь.

По крайней мере, среди промелькнувших столь быстро пейзажей всегда находился тот, кто стоял рядом и никогда не предал.

Он открыл глаза. Цяо Инь прижимал его к груди, слезы намочили воротник на его плечах, а глухой голос долетел прямо до слуха: — Я же знал, что это всегда был ты. Почему ты не сказал мне раньше, почему так долго скрывал это, Сун Ян? Я ведь чуть было не подумал, что ты уйдешь от меня навсегда. Во всем виноват только я, хочешь — вини меня, только не мучай себя больше, ладно?

Тело Сун Яна все еще было невероятно слабым, тяжелая болезнь едва не стоила ему жизни, и он смог лишь едва слышно ответить: — Хорошо.

<http://bllate.org/book/22434/2356208>